

ОТ ПРОЗЫ К СТИХАМ

Некрасов обычно охотился в лесах трех смежных губерний - Ярославской, Костромской, Владимирской. Но из писем его можно узнать много подробностей еще и об охоте в Новгородской губернии, где он также любил похаживать с ружьем, приезжая сюда ненадолго из Петербурга. Сестра Анна Алексеевна писала, что охота была для него не только забавой, но и "средством знакомства с народом". После общения с крестьянами, наслушавшись их разговоров, он уверял ее, что самый талантливый процент из русского народа отделяется в охотники. И почти всегда привозил из своих странствий запас для будущих произведений.

Осенью 1852 года он часто охотился по линии только что построенной Николаевской железной дороги - первой в России.

"... Эта дорога как будто нарочно пролегает через такие места; которые нужны только охотникам и более никому: благословенные моховички с жидким ельником, подгнивающим при самом рождении, идут на целые сотни верст - и тут-то раздолье белым куропаткам!" Так писал он Тургеневу, тоже страстному ружейному охотнику и знатоку природы, отбывавшему в это время ссылку в Спасском. Некрасов знал, чем лучше всего развлечь своего друга, и потому посылал ему обстоятельные отчеты о своих скитаниях по лесам и болотам. В письмах Некрасова появляются тоже своего рода "записки охотника". Он делает лаконичные зарисовки природы, сообщает о своих трофеях: "В три мои поездки туда убил я поболее сотни белых и серых куропаток и глухарей, не считая зайцев..." - записывает "новое словечко", услышанное в Новгородской губернии, которое ему очень понравилось: паморха. "Знаешь ли ты, что это такое? Это мелкий-мелкий, нерешительный дождь, сеющий как сквозь сито и бывающий летом. Он зовется паморхой в отличие от изморози, идущей в пору более холодную".

Он рассказывает об унылой и бедной стороне, невероятно дикой, куда еще не проникло изобретение пороха, где неласково встречают людей с ружьем и охотятся на уток особым способом: "Мужик идет по болоту и, завидев молодую утку, старается упасть на нее брюхом, что иногда и удается ему. Не думай, что я шучу. Я это сам видел".

И сколько таких наблюдений выпадает на долю охотника! Чего стоит одна только встреча с бабой, собиравшей в лесу гнилые масляники! Усталые и голодные охотники, потерявшие дорогу, спросили, как пройти в ближайшую деревню Борки, и получили вот какой ответ:

Скинь портки,
Так и дойдешь в Борки, -

и больше ничего нельзя было добиться от этой бабы, глядевшей на господ с ружьями, как заметил Некрасов, "с невероятным озлобленьем" (21 октября 1852 года).

Так он описывал в письме к Тургеневу свои охотничьи приключения. И тут же не забывал напомнить, что пришло время прислать для "Современника" статью о книге С. Т. Аксакова "Записки ружейного охотника" (Тургенев прислал, и статья вскоре была напечатана).

Спустя год Некрасов опять пишет "охотничье" письмо и опять в Спасское, автору "Записок охотника": "Живу я с конца апреля [1853] в маленьком именишке моего отца, которое он передал мне, близ города Муром; деревенской жизнью не тягочусь..." Охота в окрестностях сельца Алешунино оказалась очень недурна: "В мае месяце убито мною 163 штуки красной дичи, в том числе дупелей, бекасов, вальдшнепов и гаршнепов 91 штука".

Пожив в заброшенной деревне, набравшись новых впечатлений в общении с крестьянством и с природой, Некрасов вскоре задумал роман на живую современную тему. В сохранившихся главах этого незаконченного романа (он озаглавлен "Тонкий человек") легко заметить сочетание двух линий, двух жизненных пластов: городского, столичного, и поместного, деревенского. Отсюда образы двух молодых дворян, задумавших совершить

путешествие во Владимирскую губернию, картины природы, охоты, крестьянского труда, образы крепостных.

"Тонкий человек" - одно из тех произведений, которые показывают, что Некрасов был одаренным прозаиком, хотя его возможности в этой области не развернулись до конца. Он сам относил этот незавершенный роман к лучшим своим сочинениям в прозе (наряду с "Петербуржскими углами"), считая его достойным "возобновления" когда-нибудь для будущих читателей.

Тростников, как бы представляющий в романе автора, едет вместе со своим приятелем Грачевым, богатым петербургским баринном, в его имение на берегу Оки, недалеко от Мурома. Несомненно, в описании этой поездки, весеннего разлива рек, не раз преграждавшего путь двум друзьям, в изображении усадьбы Грачева, затопленных деревень и тамошних крестьян, никогда не видевших своего барина, отразились впечатления Некрасова от его пребывания в "именьишке" Алешунино ранней весной и летом 1853 года. Это подтверждают и подлинные географические названия, сохраненные в тексте, и описания природы Владимирской губернии, и реальные биографические штрихи (в частности, в романе описана любимая охотничья собака Некрасова по кличке Раппо).

Но не так уж важны источники повествования и споры о том, какое конкретное лицо имел в виду автор, рисуя образ Грачева. Гораздо важнее, что он не пощадил Грачева и обошелся с ним довольно сурово. Он тщательно и подробно нарисовал портрет "тонкого человека", дворянского интеллигента с его жалобами на скуку и разочарование, с его мнимым отвращением к той жизни, которую он ведет, с его громкими словами о необходимости переменить эту жизнь, отказавшись от друзей, женщин, карт, оперы, и уехать навсегда в деревню, чего он никогда не сделает. Он рассказал и о тщеславии своего героя, и о его самодовольстве; ничего по-настоящему не зная, он был "знаток решительно во всем: в женщинах, в музыке, в лошадях, в литературе, в астрономии, в политике". Он указал, наконец, едва ли не главную черту, в которой люди этого типа находят удовлетворение своему самолюбию: "... Я человек необыкновенно тонкий", - думает наш друг Грачев..."

Но полнее всего образ мыслей и характер "тонкого человека" раскрываются в его отношении к народу, к мужику, о котором у него свои понятия. Вот одна сцена из некрасовского романа: молодой ямщик, стараясь помочь путникам, которых задержало половодье, решается верхом на лошади пуститься вплавь по затопленному лесу.

"- Воротись, сумасшедший! - строго крикнул Тростников.

- Оставь его, душа моя, - сказал Грачев, - нам же лучше, он поторопит мужиков.

- А как потонет?

- Ну, вот, потонет!

- Или простуду схватит: теперь не лето.

- Вот еще! Да разве они когда простужаются? О чем вздумал беспокоиться!

Право, ты шутник.

И он расхохотался.

Пусть не подумает читатель, - продолжает автор, - что герой наш имел злое сердце; нет, он был добр, и не было щедрее его человека, когда дело шло о том, чтоб вознаградить труд мужика... Но только он держался такого мнения, что мужик одарен железным здоровьем, что он не должен знать ни усталости, ни болезней и что нет такого труда, который непозволительно было бы взвалить на плечи русского мужика..."

В соответствии с этим разъяснением автора находятся и другие суждения Грачева - об отсутствии чувства природы у крестьянина, о его равнодушии к жизненному благополучию, о том, что жителям затопленной деревни, среди которых есть и дети и больные, даже полезно жить почти под открытым небом, в жалких шалашах, потому что в это время они дышат воздухом, а вода очищает и промывает их жилища.

Словом, писатель нашел возможность с разных сторон представить читателю либерального помещика Грачева; в сущности, его следует рассматривать как одну из ранних разновидностей того социального типа, разоблачение которого в дальнейшем станет предметом некрасовской сатиры. Фигура Грачева занимает свое место где-то посередине между помещиком Данковым, бегло обрисованным в "Трех странах света", и Агариним из поэмы "Саша", создававшейся в те же годы, что и "Тонкий человек".

В романе есть примечательное место, где упомянуты "петербургские приятели" двух путешественников. Их зовут Ильменев, Горновский, Лодкин. Нетрудно догадаться, что подразумеваются Тургенев, Грановский, Боткин. На их авторитет ссылается Грачев в спорах с Тростниковым о крестьянах, но тот отзывается о столичных приятелях с явной иронией.

Автор же добавляет от себя: "... их приятели были, точно, люди или, вернее сказать, говоруны умные, блистательно образованные и начитанные, и Тростников сам уважал их мнение не менее Грачева, однако ж он остался при своих мыслях о предмете спора..." Эти слова характерны для отношения Некрасова к тем из либеральных литераторов, кто был связан с ним работой в "Современнике": среди них были люди, мнение которых он уважал, постоянно им интересовался.

Ценное свидетельство об этом оставил П. В. Анненков; по его словам, Некрасов "обладал такой широтой разумения, что понимал истинные основы чужих мыслей и мнений, хотя бы и не разделял их" (из письма к А. А. Буткевич, 1879).

Так определяется в романе общественная позиция автора. Характерно, что Тростников, говорящий от его имени, во всем противоположен Грачеву, особенно же в отношении к крестьянству. Он любит мужеством и силой ямщиков, верит в возвышенные чувства простоте крестьянина, хотя не может не замечать его темноты и неразвитости. Он с негодованием слушает рассуждения Грачева на эти темы. Картины крестьянского труда сливаются в сознании автора - Тростникова - с картинами природы, ее весеннего цветения: "Молодо-зелено, куда ни кинь глазами..."

Как раз на этих страницах некрасовской прозы в рассказе о половодье впервые появляются те беспомощные зайцы, застрявшие на окруженных водою островках, каких наблюдал, конечно, сам Некрасов во время весеннего путешествия на лодке. А спустя много лет он рассказал о них в знаменитых теперь стихах, посвященных русским детям ("Дедушка Мазай и зайцы").

Все это написано с любовью к природе, с поэтическим воодушевлением и - местами - в ясно ощутимой гоголевской стилистической манере, - она видна в рассуждениях о пестроте весеннего поля, еще не тронутого сохой земледельца, в замечаниях о меткости народного слова-прозвища, в развернутых сравнениях. Если в предыдущем прозаическом сочинении Некрасова - романе "Три страны света" - мы встречали еще декларативные признания в любви к мужику, то в "Тонком человеке" даны подробные зарисовки сельской жизни, с симпатией обрисованы люди крепостной деревни, опоэтизирован их труд, показаны их быт и отношения к помещикам, впрочем, пока еще довольно идиллические.

Первые четыре главы "Тонкого человека" Некрасов напечатал в январском номере "Современника" за 1855 год (последнюю из них составляет драматическая сцена "За стеной", которая справедливо считается лучшим произведением Некрасова в этом жанре). Остальные главы незавершенного романа были разысканы и опубликованы К. И. Чуковским только в 1928 году.

Почему Некрасов оставил незаконченным роман, значительная часть которого уже была написана? Вряд ли можно предполагать, что одной из причин была болезнь автора, усиление которой относится примерно ко времени поездки в Алешунино. Ведь болезнь не помешала же его работе над "Сашей" и другими произведениями!

Гораздо важнее, что в середине 50-х годов Некрасова неудержимо тянуло к стихам, форме, более ему свойственной, в которой ему легче, естественнее было выражать свои мысли и чувства. Не говоря уже о том, что какое-нибудь "опасное" стихотворение можно было озаглавить "Из Ларры" и выдать за перевод с испанского.

Некрасову принадлежат важные замечания о стихах и прозе. В одной из рецензий 1854 года {Рецензия на "Повесть в стихах" Н. Д. Хвошинской включена в "Полное собрание сочинений и писем" Некрасова (т. 9, 1950, стр. 676-673) с оговоркой; однако принадлежность ее Некрасову нам кажется несомненной.} он судил об этом так: "... различие между стихами и прозой не есть только внешнее: оно обуславливается самым содержанием литературного произведения". Кроме того, дело прозы - анализ действительности, способность передать оттенки мысли, все изгибы психологического развития характеров; а поэт "одним образом, одним словом, иногда одним счастливым звуком достигает той же цели, как бы улавливает жизнь в самых ее внутренних движениях; без этого... дара напрасно станет писатель пригонять рифму к рифме и строчку к строчке..."

Тяга к стихам заметно усилилась у Некрасова к концу "мрачного семилетия". Если в августе 1853 года Грановский, встретивший больного поэта в Москве, свидетельствовал, что он пишет мало стихов ("не до стихов мне, говорит он"), то всего через несколько месяцев, в ноябрьском письме к Тургеневу, Некрасов говорит уже совсем другое. По-прежнему жалуясь на болезнь горла и крайнюю раздражительность нервов, он сообщает своему другу: "... и вдобавок - стихи одолели - т. е. чуть ничего не болит и на душе спокойно, приходит муза и выворачивает все вверх дном..."

И не прошло и года после этого признания, как, бродя с ружьем вместе с Тургеневым в лесах вокруг Спасского, он прочел ему новые стихи. Мы узнаем об этом из очередного письма к Ивану Сергеевичу: "Помнишь, на охоте как-то прошептал я тебе начало рассказа в стихах - оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал..."

Прошептал, потому что почти не было голоса, из-за болезни; рассказ в стихах - поэма "Саша". Весна 1855 года в Ярославле - время поэтического взлета, когда было уже явно не до "плоской прозы": "Весной нынче я столько писал стихов, как никогда, и, признаюсь, в первый раз в жизни сказал спасибо судьбе за эту способность: она меня выручила в самое горькое и трудное время" (из письма Тургеневу 30 июня 1855 года).

Почему это время было таким трудным?

Несчастья в самом деле преследовали Некрасова. В апреле заболел и умер его маленький сын Иван, и эта смерть потрясла и Авдотью Яковлевну ("Потеря моего сына меня слегка свихнула с ума", - писала она) и его, о чем с большой силой рассказано в стихотворении "Поражена потерей невозвратной". Кроме того, болезнь самого Николая Алексеевича прогрессировала настолько, что он уже терял надежду на выздоровление. "Я болен - и безнадежно", - писал он Л. Н. Толстому в январе того же 1855 года, а 30 июня жаловался Тургеневу на "медленное умирание". И вот в такое время он не только не перестал писать, но писал, как никогда, много стихов, и это даже "выручило" его, помогло преодолеть горести.

Была и объективная причина для усиленного писания стихов: после смерти Николая I их стало относительно легче печатать. У "Современника" появился новый цензор - В. Н. Бекетов, обнаруживший некоторую заинтересованность в литературе и даже либеральные тенденции. Правда, злые языки утверждали, что относительная смелость его объяснялась тем, что он находился в родстве со всемогущим графом Мусиным-Пушкиным, возглавлявшим цензурное ведомство. Как бы то ни было, но Бекетов заметно отличался от других цензоров, в редакции быстро ощутили известное послабление. "Присылай, если что-нибудь есть, в "Современник", - просил Панаев Тургенева. - Теперь скажу по секрету - у меня цензор отличный, умный и

благородный. Это может оживить журнал". А сотрудник редакции Елисей Колбасин в своих воспоминаниях уверял даже, что новый цензор неоднократно сам уговаривал Некрасова "вернуться к своей замолкнувшей музе" и что эти просьбы будто бы оказали влияние на ее "производительность".

Разумеется, Некрасов вряд ли нуждался в таких уговорах. Стихи его гораздо чаще стали появляться в журнале. И не потому, конечно, что их поощрял Бекетов, а потому, что шел к концу период "мрачного семилетия" (этим же, конечно, объясняется и само появление: благородного цензора!).

Приближались большие перемены в русской жизни, повеяло свежим ветром.

* * *

Среди стихов этого времени главное место занимает поэма "Саша", оттеснившая работу над прозой и в то же время связанная с этой прозой многими нитями. И образ главного героя, и некоторые сюжетные мотивы сближают "Сашу" с "Тонким человеком", подтверждая, что оба произведения, писавшиеся в одно время, питались во многом одинаковыми жизненными впечатлениями. Разоблачив барство и никчемность Грачевых, Некрасов, видимо, ощутил потребность создать более определенный или, может быть, более характерный для времени тип "современного героя". Так возник Агарин. Противопоставить ему он счел нужным уже не дворянина с демократическими убеждениями (образ Тростникова), характер, сложившийся еще в предыдущем десятилетии и во многом близкий самому Некрасову, а иной общественный тип, только народившийся, но уже подмеченный зорким взглядом художника. Новое поколение людей, едва разбуженное временем, уже заявило о своей жажде реальной деятельности и о решимости согласовать слово с делом.

Так была задумана Саша - один из светлых женских образов русской литературы. И не случайно, конечно, поэт сделал носителем положительных идеалов именно девушку. Так уж повелось с пушкинской Татьяны, что русские писатели в XIX веке обычно женскими устами произносили свой суд над нерешительными или не находящими себе занятия мужчинами (в этом была своя закономерность, отразившая исторический факт - появление женщины в общественном движении).

Сопоставление неоконченного романа и поэмы еще раз подтверждает, что Некрасов всё-таки не был рожден прозаиком. Рассказать о сложной и нежной Сашиной душе, о ее печалях и тревогах, о ее близости к природе, к родным полям и лугам ему было легче в стихах, в поэме. Но материал прозы еще тяготел над ним, и это легко заметить, сравнив два сочинения.

И "Тонкий человек" и "Саша" насыщены картинами природы. Видно, что одно время года, одни и те же пейзажи стояли перед взором художника. Весенний разлив, занявший столько места в неоконченном романе, появился и в поэме:

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега, -

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок, и полон до края

Жалкий овраг...

В романе читаем: "Выехав из оврага, ... они круто поднялись на высокий бугор, и глазам их открылась вся низменная... местность. Это были почти сплошь поемные луга, ... уже зеленевшие теперь первыми побегами молодой травы". В поэме;

... Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва...

Интересно сравнить и картины крестьянского труда, запечатленные как в прозе, так и в стихах, и мысли об отношении крестьянина к земле, иногда совпадающие почти дословно. В романе: "Крестьянин видит перед собой поля, ... облитые его потом и кровью, ... видит и бессознательно любит их..." (слова Тростникова в передаче Грачева). И еще: "Равно любит мужичок каждую свою полосу... Вот уже начал он трудное свое дело... Поля усеяны работающими крестьянами - одни пашут, другие уже начали сеять яровое". В поэме:

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне -

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю полют они потом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян...

Разумеется, дело не в отдельных словесных совпадениях, а в единстве жизненного материала и мысли. Эти сопоставления позволяют ощутить, как важен был для поэта переход к стихам, - в них он легко добивался того, чего не мог достичь в прозе (лиризма, большей емкости образов).

Вот пример. В некрасовском романе крестьяне сеют яровое, бросают зерна в землю, - перед нами картина полевых работ, и только. Но та же тема сева в финале поэмы приобретает значение художественной аллегории. Мы не знаем, как сложится судьба Саши (ведь действительность еще не давала материала для ее изображения), но заключительные строки указывают на будущую "пышную жатву" на "ниве поемной";

В добрую почву упало зерно -
Пышным плодом отродится оно!

Конечно, не о земле и не о зерне, а о славной судьбе Саши говорят эти мажорные строки, о будущем ее развитии, а может быть, и о будущей деятельности.

Нынешние же занятия Саши пока еще более чем скромны: "Бедные все ей приятели-друзи: Кормит, ласкает и лечит недуги". Да и чем же еще могла бы она заняться в деревне в свои восемнадцать-девятнадцать лет, одна, живя с не понимающими ее родителями (кстати, здесь уже намечен ранний конфликт между "отцами" и "детьми"). Нет необходимости, хотя это иногда делают, преждевременно причислять Сашу к числу женщин, "идущих в революцию" или занимающихся "общественной деятельностью". Сила Саши ведь не в том, что она пишет письма под диктовку мужичков или лечит травами окрестных баб. Для этого довольно иметь доброе сердце.

Новизна и значение образа Саши в другом: Саша привлекает своей устремленностью ко всему светлому, жаждой знания, любовью к труду, к природе, нравственной цельностью, скрытыми возможностями ее натуры. В ней пробудилось сознание, и она постоянно "думает думу", "книжки читает, украдкой плачет", Можно заключить, что это сильный характер, что Саша готовит себя к какой-то еще ей самой неясной деятельности на благо народа. И еще можно сказать, что из таких, как Саша, формировалось поколение "новых людей" - женщины - шестидесятницы и семидесятницы. Одни из них походили на Елену, героиню романа Тургенева "Накануне", другие больше напоминали Веру Павловну (в романе "Что делать?" Чернышевского). Девушки, подобные Саше, отправлялись в города, поступали на курсы, открывали мастерские, шли в учителя и акушерки, возвращались в деревню. Они горели одним бескорыстным желанием - отдать свои силы народу. Такое будущее ждало, вероятно, и Сашу - этот ранний прообраз "новых людей", увиденных поэтом в исторической перспективе.

В поэме "Саша", как ни в одном из предыдущих произведений Некрасова, мощно звучит лирическая тема и торжествует светлое начало, связанное с образом главной героини. Этому способствует финал поэмы, где само потрясение, испытанное Сашей, раскрывается как благотворное и необходимое: "... благодатна всякая буря душе молодой - зреет и крепнет душа под грозой".

Этому способствует и вводная глава поэмы, в которой преобладают мотивы, тесно сплетенные с обращением к природе. У Некрасова так бывало всегда. Переполненный злобой и гневом, оглушенный жизненным шумом, он только в близости к природе, в ее "врачующем просторе" находил хотя бы временное успокоение. "Природа - спасибо ей - действует еще на меня благодетельно - и телом я бодрее и на душе легче, возвращаешься домой успокоенный..." - так писал он в 1857 году Л. Н. Толстому. А в стихах, особенно более поздних, это один из постоянных мотивов. Вот стихотворение "Надрывается сердце от муки":

Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим -
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой...

Так и в первой главе "Саши". Вид знакомых нив, сладкий шум леса, долгая песня пахаря заставляют умолкнуть "озлобленный ум" поэта и пролить "накипевшие слезы". Растроганный мирными и грустными картинками, он восклицает: "Злобою сердце питаться устало - Много в ней правды, да радости мало..."

Эти "примирительные" мотивы были радостно встречены в тех литературных кругах, где не одобряли критического пафоса некрасовской поэзии. Не обратив внимания на общую социальную тенденцию поэмы, ее на основании первой главы восприняли как разрыв Некрасова с его обличительной, гражданской музой. Боткин поспешил заверить Некрасова, что в Москве поэма больше чем понравилась - "об ней отзываются с восторгом". Аполлон Григорьев в большой статье о Некрасове, напечатанной в журнале "Время", дал высокую оценку его творчеству; в поэме "Саша" он особенно выделил картины природы: "Тут все пахнет и черноземом, и скошенным сеном; ... тут все живет, от березы до муравья или зайца, и самый склад речи веет народным духом". Отметив с удовлетворением, что "сердце поэта перестало питаться злобою", критик, однако, ни слова не сказал о тех главах поэмы, где если не со "злобой", то с достаточной прямоотой и суровостью сказано о "современном герое".

По-иному оценили замысел "Саши" и сущность ее героя критики-демократы. Добролюбов в статье "Что такое обломовщина?" отнес Агарина к числу "лишних людей", отмеченных печатью обломовщины; Чернышевский увидел в этом образе обличение дворянского либерализма.

Бесспорно, герой поэмы заслуживает осуждения. Он рыщет по свету в поисках "исполинского дела", хотя - "ленив и на дело не годен". Он лишен твердости в поступках, самостоятельности в мыслях и с легкостью меняет свои убеждения:

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет...

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет...

Такая характеристика "современного героя" никак не свидетельствовала о "примирительном" настроении автора. Не свидетельствуют об этом и сказавшиеся в поэме любовь поэта к свободе и чувство горечи по поводу долготерпения русского народа:

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы -

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Можно ли все это принять за отказ от обличения и отрицания? Нет, цензура недаром неохотно пропускала "Сашу" в печать. По вопросу о "злобе" и "примирении", о любви и ненависти в поэзии Некрасова высказал свое мнение и Л. Н. Толстой. В письме к Некрасову из Ясной Поляны от 2 июля 1856 года он прямо заявил, что не одобряет всеобщего увлечения "отрицательным" направлением Некрасова, но зато ценит его последние стихи, то есть, по всей вероятности, "Сашу", "... человек желчный, злой, - утверждал Толстой, - не в нормальном положении... Поэтому ваши стихи мне нравятся, в них грусть, то есть любовь, а не злоба, то есть ненависть. А злобы в путном человеке никогда нет, и в вас меньше, чем в ком другом. Напустить на себя можно, можно притвориться картавым, и взять даже эту привычку. Когда это нравится так. А злоба ужасно у нас нравится".

Некрасов решительно не принял предположение, будто желчь и злость в его стихах напускные, нечто вроде угождения модному поветрию. Он подробно разъяснил это в ответном письме Толстому, пытаясь развеять благодушное "яснополянское" настроение писателя, к тому же находившегося в это время под прямым влиянием Дружинина и его представлений о том, что в литературе должны выражаться только "добрые" и радостные чувства.

"Вам теперь хорошо в деревне, - писал Некрасов, - и Вы не понимаете, зачем злиться; Вы говорите, что отношения к действительности должны быть здоровые, но забываете, что здоровые отношения могут быть только к здоровой действительности. Гнусно притворяться злым, но я стал бы на колени перед человеком, который лопнул бы от искренней злости - у нас ли мало к ней поводов? И когда мы начнем больше злиться, тогда будем лучше, - то есть больше будем любить - любить не себя, а свою родину" (22 июля 1856 года). Эти слова полны высокого патриотизма. И не так уж существенно, за что именно похвалил Толстой Некрасова - за "Сашу" или за другие стихи, прочитанные им в первых книжках "Современника" 1856 года. Важно, что Некрасов, ни слова не говоря о стихах, отклонил похвалы за "незлобивость", не согласился с рассуждениями о вреде "ненависти" и постарался убедить Толстого в своей правоте.

Он слишком высоко ценил автора "Севастопольских рассказов" и потому через месяц снова писал ему о своем понимании задач литературы и роли писателя в России. Эта роль не может сводиться к проповеди одной только "всеобщей любви", как казалось тогда Толстому. Некрасов горячо внушал ему свои взгляды, потому что прозорливо угадывал в нем "великую надежду русской литературы". Для литературы, писал он Толстому, "Вы уже много сделали и... еще более сделаете, когда поймете, что в нашем отечестве роль писателя - есть прежде всего роль учителя и, по возможности, заступника за безгласных и приниженных" (22 августа 1856 года).

* * *

В письме к Толстому Некрасов высказал свои выношенные и выстраданные убеждения. Он сам ощущал себя заступником "за безгласных и приниженных", в этом видел призвание литератора. Он помнил уроки Белинского, образ которого всегда стоял перед его глазами. Еще за год до письма Толстому Некрасов напечатал в "Современнике" стихотворение "Русскому писателю", где выразил те же мысли.

В разных произведениях этих лет Некрасов настойчиво возвращался к теме, которую считал особенно важной - о роли литературы в воспитании общества, в пробуждении народного сознания, в решении насущных общественных вопросов. Потому-то, осуществляя на практике свое представление о гражданской миссии писателя, он сумел коснуться едва ли не всех сторон тогдашней жизни, бестрепетной рукой вскрывая ее язвы. Вряд ли можно назвать другого русского писателя середины века, который делал бы это с такой широтой взгляда и художественной смелостью.

Множество стихов написано им в 1853-1855 годах, в последние годы николаевской реакции (разумеется, далеко не все эти стихи можно было тогда же напечатать). Деревенские

впечатления этих лет, может быть, те самые, что легли в основу "Тонкого человека", породили безотрадные картины крестьянской жизни в таких стихах, как "Отрывки из путевых записок графа Гаранского", "В деревне" (плач одинокой старухи, потерявшей сына-кормильца), "Забывтая деревня", "Несжатая полоса" с ее щемящим настроением - "грустную думу наводит она".

Впрочем, "Несжатая полоса" не просто сельская картина и рассказ о больном пахаре. Стихотворение это, несомненно, имеет аллегорический характер.

Написано оно в те дни, когда поэта посещали сомнения в своих силах, в своих стихах ("Но не льщусь, чтоб в памяти народной уцелело что-нибудь из них..."), когда его преследовали мысли о тяжелой болезни (это нашло отражение в трех "Последних элегиях", относящихся к 1853-1855 годам, и во многих других стихах). В "Несжатой полосе" на вопросы "колосьев" -

Ветер несет им печальный ответ: -
Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге - не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет...

... Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал...

"Да не по силам работу затеял"! Ведь эта мысль повторяется и в тех некрасовских стихах, где речь идет заведомо о себе. Например, в "Последних элегиях": "Я, как путник безрассудный, ... Не соразмерив сил с дорогой трудной..."

Другие же некрасовские стихи о деревне лишены субъективной окраски, характерной для "Несжатой полосы". Острым сарказмом проникнута сатира, облаченная в форму "путевых записок" некоего графа Гаранского. Примечательна сама фигура этого аристократа-космополита, путешествующего по русской земле, вовсе ему незнакомой. Эта социальная черта - оторванность от родины, характерная для части либерального барства, постоянно привлекала внимание Некрасова. Вспомним, как еще в "Тонком человеке" Тростников горячо упрекал Грачова:

"- Что ты знаешь о своем имении? ... Ты больше знаешь о Париже, чем о своем Грачове".

Примерно тогда же из чужих краев явился в родные места Лев Алексеич Агарин, герой "Саши". "Звал он себя перелетною птицей; "Был, - говорит, - я теперь за границей..." Поэт не забывает отметить, что во время прогулок с Сашей он "над природой подтрунивал нашей".

И вот граф Гаранский. Примерно тогда же он посетил забытое отечество и начал знакомиться с ним из окна своей кареты. В отличие от других "русских иностранцев" он остался доволен "громадностью" здешней природы, ее просторами; что же касается человеческих отношений, то тут он оказался очень далек от всякой реальности. Этим и воспользовался Некрасов: глазами графа он решил показать рабский труд угнетенных крестьян, поскольку знатному путешественнику он казался всего лишь излишним трудолюбием:

... Я видеть их привык
В работах полевых чуть не суткам целым.
Не только мужики здесь преданы труду,
Но даже дети их, беременные бабы -
Все терпят общую, по их словам, "страду",
И грустно видеть, как иные бледны, слабы!

... Но должно б вразумлять корыстных мужиков,
Что изнурительно излишество в работе.

И дальше граф Гаранский делает совершенно невероятное предположение, ему кажется, будто те фигуры в немецкой одежде, что бродят с нагайками в руках между работающими в поле, поставлены для того, чтобы удерживать мужиков от вредного для их здоровья усердия к труду...

Правда, у самого графа тоже имеется немец-управитель; но, проезжая через собственные владения и почти не задержавшись в своей явно "забытой деревне", граф из окна той же кареты успел заметить, что управитель выглядел между мужиков как "отец и покровитель". "Чего же им еще?!" - восклицает граф.

Но даже эта едва прикрытая ирония не так испугала цензуру, как те рассказы крестьян, что со всех сторон слышит Гаранский, - про помещиков-лиходеев и управителей-грабителей, про дикие нравы крепостников-феодалов. Не случайно, конечно, стихотворение при жизни Некрасова ни разу не было напечатано полностью, а рассказ ямщика о расправе крестьян с помещиком ("Да сделали из барина-то тесто") увидел свет только в советское время.

В журнале Некрасов и не пытался напечатать своего "Гаранского". А разрешив эти стихи уже во время ослабления цензурного террора (для сборника 1856 года), чиновники сильно их искалечили, но все-таки не запретили вовсе. Видимо, сыграла свою роль хитроумная концовка стихотворения: в заключительных словах Гаранский как бы от лица "хороших" помещиков открыто обличает помещиков грубых и жестоких (с оговоркой: если они есть), считая, что они бросают тень на все сословие, и даже призывает на помощь сатиру:

... А если точно есть
Любители кнута, поборники тиранства,
Которые, забыв гуманность, долг и честь,
Пятнают родину и русское дворянство -
Чего же медлишь ты, сатиры грозной бич?..

Конечно, Гаранский говорит это от лица либеральных бар, над которыми смеется Некрасов. И призывы его к сатире - это одна видимость, пустые слова, ибо сатира, которой требует Гаранский, не идет дальше обличения "дурных" помещиков.

Язвительная ирония некрасовских строк, видимо, не дошла до цензоров, принявших стихи всерьез; кто-то из них даже отметил, что автор стихотворения "имел благую цель при сочинении этих отрывков", хотя и не достиг этой цели.

Крестьянскую тему этого времени в лирике Некрасова увенчивает "Забытая деревня". Самая ситуация, изображенная в ней, характерна для предреформенной поры, когда помещики, живущие в столицах или гулявшие за границей, забывали начисто о своих наследственных владениях, перекладывали все хозяйственные и прочие заботы на плечи управляющих (часто немецкого происхождения) и с этого времени интересовались только регулярностью получения доходов.

И деревня порой годами ждала неведомого барина (его смутно помнили разве только глубокие старики), надеясь, что он-то уж, наверное, решит все большие вопросы, уладит все споры и конфликты: "Вот приедет барин..." Еще в "Тонком человеке" мы встретили "забытую деревню" Грачово, куда почти случайно, впервые в жизни заехал ее владелец. Затем видели графа Гаранского, прочно забывшего свою деревню и буквально промелькнувшего перед мужиками. Все эти зарисовки приняли характер глубокого обобщения в стихотворении "Забытая деревня", написанном 2 октября 1855 года. В нем всего тридцать строк, но они отличаются удивительной емкостью. Перед нами три эпизода, три сцены, и в каждой свои действующие лица, своя жизненная ситуация. В них запечатлены те случаи деревенской жизни, когда, по убеждению крестьян, никто, кроме барина, помочь не может. "Вот приедет барин!" - повторяют хором...

Но идут годы, а "барина все нету...". Уже все переменялось в деревне, кто постарел, кто умер, кто угодил в солдаты, - "барин все не едет!".

Наконец однажды среди дороги
Шестернею цугом показались дроги:
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин, а за гробом - новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету - и уехал в Питер.

Рассказ поэта об этой простой, казалось бы, истории имел большой общественный резонанс. Цензор, разрешивший к печати "Забытую деревню", был отстранен от должности. Стихотворение, считавшееся запретным, ходило по рукам в списках, хранение и распространение их преследовалось. Оказывается, многие современники восприняли эти стихи как памфлет на тогдашнюю Россию, как аллегорическое изображение смены двух царей: место недавно умершего Николая I занял Александр II, но ничего не изменилось в забытой богом стране; и старый и новый правители одинаково равнодушны к нуждам народа. Возможность такого толкования некрасовских стихов, хотя и с опозданием, заметили и власти. После появления их в печати (1856) один из цензурных чиновников сообщал об этом, впрочем, довольно осторожно, в рапорте министру просвещения: "Видимая цель этого стихотворения - показать публике, что помещики наши не вникают вовсе в нужды крестьян своих, даже не знают оных, и вообще не пекутся о благосостоянии крестьян. Некоторые же из читателей под словами "забытая деревня" понимают совсем другое. ... Они видят здесь то, чего вовсе, кажется, нет, - какой-то тайный намек на Россию..."

Неизвестно, действительно ли поэт имел в виду такой "намек на Россию". Но вполне возможно, что имел, ибо не раз прибегая к созданию аллегорических стихотворений. Если же рассматривать "Забытую деревню" более узко, в тех пределах, какие намечены ее сюжетом, то и тогда политическая острота стихотворения остается несомненной. Мысль о том, что крестьянам нечего надеяться на доброго барина, что барин не заступник и для веры в него нет почвы, конечно, была весьма острой и актуальной.

Любопытно, что враждебные Некрасову "Отечественные записки" Краевского, где критический отдел вел либеральный литератор С. С. Дудышкин, попытались нейтрализовать общественный пафос и актуальность "Забытой деревни". В большой статье о Некрасове (1861) Дудышкин пытался доказать, что его стихи, казалось бы, навеянные русской жизнью, на самом деле созданы под влиянием иностранной поэзии. Что имелось в виду?

Среди произведений английского поэта Крабба, о котором тогда писал в "Современнике" Дружинин, была поэма "Приходские списки"; в одной из ее глав описывались похороны знатной дамы в ее запущенном замке, где при жизни она не бывала. Подстрочный перевод этого отрывка Дружинин включил в свою статью, и Некрасов его, конечно, знал. Однако ни по конкретному содержанию, ни тем более по социальной остроте его "Забытая деревня" не имела ничего общего с английской поэмой. И, несмотря на это, версия Дудышкина, подкреплявшая его утверждение, будто Некрасов не знает русской жизни и потому обращается к иностранным источникам, оказалась долговечной и дожила до наших дней. Но недавно была доказана ее полная несостоятельность и установлено, что статья "Отечественных записок" - один из документов той борьбы, которая развертывалась вокруг творчества Некрасова {См.: Ю. Д. Левин, Некрасов и английский поэт Крабб, "Некрасовский сборник", II. М. -Л., 1956.}.